Мысли против ТЕЧЕНИЯ

В последнее время меня частенько тянет спеть заздраную... соцреализму. Иной раз меня спрашивают: не боитесь? Однако как переменялись времена, десять лет назад тот же вопрос был бы задан с обратным знаком... Нет, не боюсь. Да и было в жизни много больше событий, достойных боязни. Фронт, например... Не боюсь. Потому что никогда не был почитателем конфликта «хорошего с прекрасным», а также бесконечных проверяющих комиссий, которые пытались «вымерять циркулем» спектакль с точки зрения его идейного соответствия.

Я — о другом. Да. Целая жизнь моего поколения прошла в жестких рамках того искусства, которое всевозможные идеологи и властители припечатывали маловразумительным искусствоведческим штампом «соцреализм». Но, скажите, почему при этом (или вопреки этому?) на отечественных театральных сценах расцветали такие разные и такие прекрасные цветы? Почему Горчаков не был по-

хож на Лобанова, Акимов на Охлопкова, Товстоногов на Эфроса, Любимов на Ефремова? Почему на «бывшей шестой части суши» рождались Каплянян, Мамбетов, Раевский, Стурва, Някрошюс?.. Я уже не говорю об актерах, о том «золотом фонде» отечественного театра, который, уверен, и сейчас богаче, чем в любой стране мира. Но у нас к богатству особенное отношение. Нам в отличие от западных людей все кажется, что богатство существует для того, чтобы его транжирить. Не скажу, что когда-то раньше мы этим грехом не страдали. Но последнее десятилетие в этом смысле — настоящий обвал, катастрофа.

Когда я ставил в Театре им. Вл. Маяковского «Завтра была война» Б. Васильева, я все время вспоминал свою школу, свой 9-й «Б», из которого мальчишки (и я в том числе) уходили вскоре на фронт. И ловил себя на мысли, что, несмотря на сталинский режим, на страшную тоталитаристскую машину, перемалывающую людские судьбы, мы были сча-

стливыми детьми. Ибо жили идеалами добра, верности, чести. Все правильно написал Борис Васильев. Все это было в нас — и вера в светлое будущее, и чувство локтя, и четкие понятия о том, где — мужество, а где — предательство. Все это присутствовало и в искусстве. Тенденциозно — в слабых произведениях. Яркое и мощное — в талантливых. Наши художники вольно и невольно следовали вечным заповедям и не проповедовали со сцены ни насилия, ни чело-веконенавистничества, ни корыстолюбия, ни продажности.

Сказано: можно быть рабом на свободе и свободным в тюрьме. Все дело в изначальных нравственных ориентирах. Власть может быть любая, но, думаю, при всякой, самой несправедливой и жестокой, у художника возможен некий светлый ориентир, некая душевная опора. И только одна власть выбивает почву из-под ног, вырывает из жизни всякий высший смысл — власть денег.

Мы можем себя «поздра-

вить». Именно эту власть мы теперь имеем удовольствие ощущать во всех проявлениях нашей жизни. И вот уже захлестнуло театр каботинство, та самая отвратительная гниль, которую не переставали описывать великие русские писатели. Мы не успели оглянуться, как уже в профессиональных кругах, в дружеском общении перестали говорить о замыслах, о мечтах поставить спектакль или сыграть роль (а его или ее не дают осуществить тугоголовые ревнители системы). Нет. Мы теперь все — о деньгах, деньгах и еще раз деньгах.

Что касается традиционного русского театра, то для него такое положение вещей просто смертельно. Ведь именно русский психологический театр всегда строился на внимании к личности, к человеку на сцене, к движениям его души. Стационарный, ансамблевый русский театр, кроме того, предполагал изначальное чувство коллективизма (как бы ни опошляли мы это слово). Чувство партнера, ощущение процесса общей жизни, общего творческого движения — только в нем возникали и продолжают пока возникать равные наши «звезды» и наши статисты. Однако если твое творческое существование сегодня определяется только одним — количеством заработанных денег, о каком единстве, о какой общей и красивой задаче

может идти речь? Трещат по швам труппы, разбегаются таланты, превращаясь в золотоискателей-одиночек. Думаете, на очередном таком выгодном кино или театральном прииске они повышают свое мастерство, открывают какие-то новые грани своих дарований? Ничуть. Только эксплуатируют нажитое в прежней системе ценностей. А как же молодежь? Где она наживет свое — в нынешней системе, в которой царит лишь одна ценность — рублевая, а точнее, долларовая? Но эта система бесплодна. Для отечественного театра по крайней мере.

Одичание происходит у нас на глазах. Люди, боящиеся идти в театр, чтобы по дороге домой не ограбили и не убили, и люди на сцене, озабоченные лишь количеством денежных знаков, — порождение одного и того же, бессовестной и безграничной власти денег.

Спектакли со сверхзвончай «Чего изволите?», телефильмы с головокружением Лени Голубкова от успехов «АО МММ» и тоскливое одиночество писателя, композитора, актера, утративших реальную связь со своей аудиторией, — все это, увы, приметы отечественной культуры последнего десятилетия.

Рецептов выписать не могу, но отчетливо осознаю — надо остановиться. Ибо этот путь ведет в никуда.